

До сих пор мне трудно поверить в то, что в Большом театре работают обычные люди. По привычке я пытаюсь отыскать в их судьбах какие-то особые знаки, предопределившие жизнь счастливец.

Когда я спросила нового солиста Большого театра, лирического тенора **Андрея Дунаева** о том, в каких отношениях он с собственной судьбой, Андрей ответил: «Я помогаю своей судьбе, а она мне. У меня было немало сложных моментов в жизни, я долго искал себя. Сейчас все определилось. Главное — мне очень хочется петь».

Биография Андрея Дунаева представляется мне нестандартной: «Мне 30 лет. Я родом из села Красного под Ставрополем, где и сейчас живут мои родители. В нашей музыкальной семье четверо детей. Мой отец, баянист и хормейстер, сам сочиняет музыку. У мамы — хороший певческий голос. С детства я пел в семейном ансамбле, в хоре у отца, окончил музыкальную школу по классу баяна, учился в ставропольском музыкальном училище на дирижера народного хора, но не закончил его. Пошел работать в ресторан. Пел и зарабатывал так деньги».

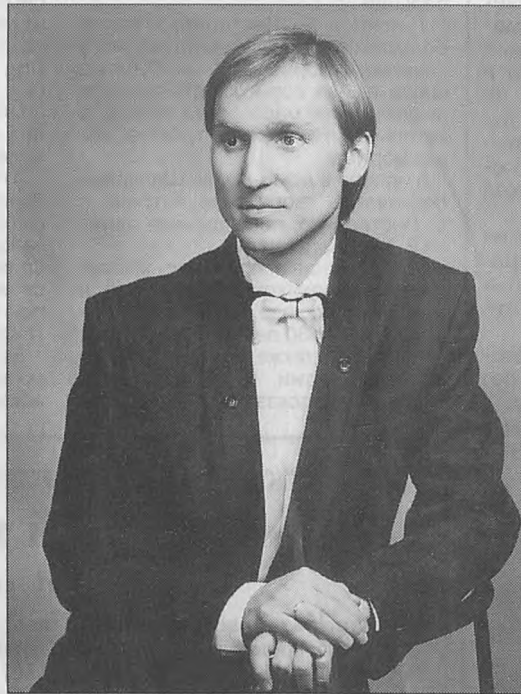
Оказавшись в Москве, Андрей начал серьезно заниматься эстрадой, организовал команду музыкантов, с которой выступал в клубах. Участвовал в эстрадном конкурсе «Славянский базар» и вошел в пятерку победителей.

Одновременно учился в Институте культуры и пел в народном хоре.

«Как любой человек, я хотел покориť Москву. Народная му-

Большой театр. 2000. — 16 ноября (№ 26) **Представляем пополнение оперной труппы**

Андрей Дунаев

зыка мне нравилась, но я думал, что мое призвание — эстрада. О классике я тогда и не мечтал, в роли оперного певца себя не видел.

Мне казалось, что оперные певцы все такие большие и толстые, а я — такой небольшой и не толстый. Но в один прекрасный день я понял, что не могу оставаться в народном хоре. Народники все кричат, а я привык, что громкость — это не основной показатель качества голоса.

Вот поэтому я перешел в Институт культуры на классическое отделение в класс профессора Михаила Ивановича Демченко. Меня отговаривали это делать, но все-таки я принял решение. Однако мои занятия не были серьезными. Я пел классику, а параллельно — эстраду, и даже на английском языке».

Техника вокала, расширение оперного репертуара, критическое отношение к собственному голосу не занимали Андрея в то время. Все это пришло позже, уже в консерватории.

«Перед поступлением в консерваторию, — рассказал Андрей, — у меня был очень мучительный период. Знаете, это когда ты занимаешься, занимаешься, тебе кажется, что ты уже нашел свой путь, но вдруг тебя начинают одолевать сомнения. Документы в консерваторию я

отнес в последний день. Я поставил на карту все. Думал, если поступлю, стану заниматься только классикой.

Мне уже исполнилось 26 лет. У меня в запасе была ария Рудольфа. Она достаточно показательная. Меня приняли! Начались серьезные занятия. Не думал, что будет так сложно, считал, что петь просто.

Мой педагог П. И. Скуриченко развил мой внутренний слух, привил культуру слушать. Оказалось, что техника — это труд. Главной проблемой было то, что, как мне казалось, у меня в закрытом регистре пропадает звук. На первом или втором курсе я пережил страшный кризис. Целый месяц не ходил в класс, лежал дома и смотрел в потолок.

Мне очень помог конкурс. В октябре 1999 года я поехал в Германию на конкурс «Новые голоса». На первом туре пел две арии под фортепиано: Рудольфа и Томино, прошел второй тур, исполнил арию Ленского с оркестром. На третьем туре я пел в квартете из третьего акта «Богемы». В результате получил вторую премию».

И все же, даже после этой победы, путь Андрея Дунаева складывался не просто.

Еще будучи студентом, он поступил в Новую оперу, спел там партии Гастона и Трике, учил Ленского. Как вдруг...

«Мне позвонили из Большого театра и сказали: «Нужны тенора, приходи на прослушивание». Я прибежал, спел арию Ленского и каватину Владимира Игоревича.

Было очень приятно, когда подошел Е. Нестеренко и ободрил меня. Меня приняли. Как стажер я спел Альфреда.

Сейчас уже как солист готовлю Ленского».

— И каково это, быть тенором, да еще лирическим, да еще в Большом театре?

— Это очень ответственно и интересно. Никогда так не волновался, как перед дебютом в Большом театре. Во время первого своего спектакля я не видел зала. Он разверзся передо мной, как бездна. Еле допел.

— Ленского вы будете петь впервые?

— Да. Это для меня заветная роль. Мой любимый Ленский — С. Я. Лемешев, хотя сейчас и время другое, и эстетика, и культура. Я слышал на концерте арию в исполнении А. Д. Масленникова, и его пение произвело на меня такое впечатление, что я выучил эту партию. А теперь я работаю над ней под руководством самого Алексея Дмитриевича, который помогает Борису Александровичу Покровскому.

Кроме работы над «Евгением Онегиным», Андрей Дунаев спел Владимира Игоревича, учит партию герцога, мечтает спеть Рудольфа. Он говорит:

— Технически любая партия имеет свои трудности, но Верди — это отличная школа. У меня есть сложности с верхним регистром, хочу, чтобы он был более стабильным.

Надеюсь, что в будущем станет более стабильной и моя жизнь. Я нашел свой путь, свое дело. У меня есть семья. Моя жена — художник. У нас двое детей: старшему сыну шесть, младшему — всего два месяца. В Большом театре мне очень хорошо, и у меня только одно желание — работать как можно больше...

Ирина КОТКИНА.